

ХОЛМСКО-ВАРШАВСКІЙ ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПРИ ХОЛМСКО-ВАРШАВСКОЙ АРХІЕПИСКОПСКОЙ КАМЕРАЛѢ.

Адресъ Редакціи:

Моковская улица, домъ № 15 кв. 14—въ Варшавѣ.

Годовая цѣна—5 р. с.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ: 1-го и 15-го числа.

ОТДѢЛЪ I.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВАТѢЙШАГО СИНОДА

Отъ 20 декабря—17 января 1885—86 года, за № 2854, касательно болѣзней и физическихъ недостатковъ, препятствующихъ принятію воспитанниковъ въ семинаріи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 13-го декабря 1885 г. за № 902, журналъ Учебнаго Комитета, № 488, съ заключеніемъ Комитета, по возбужденному правленіемъ одной изъ духовныхъ семинарій вопросамъ: 1) какія болѣзни и физические недостатки переводимыхъ въ семинарію учениковъ духовныхъ училищъ признавать безусловнымъ препятствіемъ къ приему ихъ въ семинарію—однѣ ли только заразительныя и вредно дѣйствующія на другихъ болѣзни, или вмѣстѣ съ тѣмъ и такія, которыя, не дѣйствуя вредно на другихъ, для самихъ страдающихъ служатъ препятствіемъ къ успѣшному прохожденію семинарскаго курса, и 2) можетъ ли семинарское правленіе отклонить на одинъ годъ приемъ ученика въ семинарію, если, по медицинскомъ освидѣтельствованіи, онъ будетъ признавать при своей молодости весьма плохо развитымъ физически. **П р и к а з а л и:** Обсудивъ вышеизложенные

вопросы, Святѣйшій Синодъ, по выслушаніи заключенія Учебнаго Комитета, опредѣляетъ: разъяснить правленіямъ духовныхъ семинарій, что законнымъ основаніемъ къ отказу въ принятіи дѣтей въ семинарію должны служить только такія болѣзни, которыя будутъ признаны врачомъ заразительными и вредно вліяющими на окружающихъ, или неизлѣчимыми по крайней степени своего развитія, напимѣръ: чахотка, нервное разстройство, граничащее съ сумасшествіемъ, и только такіе физические недостатки, которые прямо и безусловно препятствуютъ учебнымъ занятіямъ (глухота, слѣпота); что же касается дѣтей недостаточно развитыхъ физически, но достигшихъ опредѣленнаго § 114 устава духовныхъ семинарій возраста, слабогрудыхъ, малокровныхъ, съ нѣкоторыми поврежденіями слуха и зрѣнія, не представляющими впрочемъ неодолимыхъ препятствій къ прохожденію учебнаго курса, то семинарское правленіе, не отказывая имъ, по указаннымъ причинамъ, въ принятіи въ число семинарскихъ воспитанниковъ, должно имѣть ихъ, на основаніи результатовъ врачебнаго освидѣтельствованія, въ своемъ особенномъ вниманіи и попеченіи въ порядкѣ примѣненія къ нимъ условій физическаго воспитанія; вмѣстѣ съ симъ, въ видахъ предохраненія всѣхъ вообще воспитанниковъ духовно-учебныхъ заведеній отъ глазныхъ болѣзней, вмѣнить какъ семинарскимъ, такъ и училищнымъ правленіямъ въ обязанность обращать особенное вниманіе на цѣлесообразное освѣщеніе жилыхъ ученическихъ помѣщеній, при тщательномъ соблюденіи требованій гигиены относительно количества и качества свѣта, потребнаго для здоровья глазъ,

и мѣръ къ своевременному, въ случаяхъ надобности, устраненію всѣхъ неблагопріятныхъ тому условій, о чемъ, для объявленія правленіямъ духовныхъ семинарій къ исполненію и руководству, сообщить въ редакцію „Церковнаго Вѣстника“, для напечатанія, выписку изъ настоящаго опредѣленія.

Выписка изъ утвержденного г. Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода, 26 іюля 1885 года, журнала Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ, за № 252, о брошюрѣ священника І. Наумовича, подъ названіемъ: „Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда“ (С.-Петербургъ, 1885 г.).

Церковные наши обряды съ глубокой древности пользовались высокимъ уваженіемъ православнаго русскаго народа. Церковь и ея обряды всегда были неотдѣлимы отъ вѣры и въ своей совокупности составляли полноту выраженія религіознаго чувства. Черту эту отмѣчаютъ всѣ наши историки; нѣкоторые (напр. покойный Костомаровъ), видя въ привязанности народа къ церковному обряду одну вышность, даже представляли ее какъ бы выраженіемъ поверхностнаго отношенія народа русскаго къ религіи. Между тѣмъ въ этой привязанности къ церковному обряду есть глубокий смыслъ. Народъ любитъ и чтитъ церковное богослуженіе, всю его обстановку, весь обычай церковный, ибо находитъ въ нихъ сокровище духовнаго назиданія, святое, завѣщанное преданіемъ церкви, лучшее выраженіе религіознаго, молитвеннаго чувства; въ обрядѣ богослуженія онъ обрѣтаетъ неземную красоту, выраженную возвышеннымъ словомъ, величественнымъ дѣйствіемъ, умиленнымъ пѣніемъ. И это чуткое пониманіе духа и силы церковнаго обряда не случайный фактъ, не плодъ привычки народа. Пониманіе это свободно и сознательно обнаружилось въ нашихъ предкахъ впервые, когда они, въ качествѣ пословъ, испыгующихъ вѣры, услышали православное богослуженіе въ Царьградѣ у св. Софіи: восторженіе ихъ было такъ велико, что они мнили себя стоящими на небѣ. Величію св. вѣры православной вполне соответствовало величіе церковнаго обряда, возвышающаго душу предстоящихъ къ Богу. Къ великому счастью, русскій народъ имѣетъ богослуженіе на родномъ языкѣ славянскомъ, и это увеличиваетъ его просвѣтительное и воспитательное значеніе. Вотъ почему любовь къ церкви и обряду народъ переноситъ и на языкъ церкви, жаждетъ учиться ему: народъ хочетъ не только видѣть и слышать, но и разумѣть вѣчно живое слово церкви. Церковный обрядъ заключаетъ въ себѣ неумирающую хранительную силу религіознаго чувства въ народѣ: онъ понимаетъ это, свято чтитъ и блюдетъ обрядъ, завѣщая любовь къ нему своимъ дѣтямъ. Онъ знаетъ, что когда пошатнется эта любовь, не устоятъ и вѣра. Такъ было всегда, будетъ и впредь.

Къ сожалѣнію, потерявшій живую связь съ преданіями древней церкви западъ занесъ и на святую Русь растлѣвающее, разсудочноскептическое отношеніе къ церковному обряду въ видѣ такъ называемой *штунды*, которая съ особенною силою получила распространеніе на нашемъ югѣ, въ Малороссіи, искони православной и запечатлѣвшей свою

преданность православію вѣковой борьбой и тысячами жертвъ.

На православныхъ пастыряхъ этого края лежитъ святая обязанность возвратитъ заблудшихъ овецъ на путь истины; всѣ же пастыри благовременно потрутся, если словомъ назиданія укрѣпятъ въ народѣ его преданность къ церковному обряду и утвердятъ любовь его къ обычаю и преданію церкви.

Въ этомъ направленіи мы имѣемъ уже немало трудовъ, между коими, по простотѣ, силѣ убѣжденія и апостольскому духу, особенно выдаются письма еп. Теофана (противъ пашковцевъ).

Разсматриваемая брошюра свящ. Наумовича принадлежитъ къ подобнымъ же трудамъ. Написана она просто, живо, талантливо. Почтенный авторъ, проникнутый глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего дѣла, пишетъ задушевно и тепло, что производитъ глубокое впечатлѣніе на читателя. Онъ не вдается въ научную аргументацію, но обращается прямо къ сердцу человѣка вѣрующаго и умѣетъ покорить его своимъ теплымъ словомъ, сердечною, искреннею рѣчью отъ души.

Сначала авторъ говоритъ о новыхъ, непрошенныхъ учителяхъ, которые сбиваютъ народъ съ пути, затѣмъ раскрываетъ значеніе церковнаго обряда; обличаетъ неправоту упрека церкви въ „неподвижности“; затѣмъ переходитъ къ значенію обряда на душу вѣрующаго человѣка, начиная съ дѣтства, впечатлѣнія котораго авторъ описываетъ чрезвычайно живо и трогательно.

Далѣе авторъ говоритъ о томъ, сколько добра вноситъ въ жизнь послушаніе церкви и соблюденіе ея обычаевъ. Раскрывая значеніе самаго храма, онъ показываетъ, что въ немъ все устроено въ назиданіе вѣрующихъ, и въ частности обращается къ почитанію св. иконъ, коими украшаются храмы и дома православныхъ, причѣмъ опровергаетъ иконоборныя ученія штундистовъ. Защищая иконопочитаніе авторъ посвящаетъ все окончаніе своей брошюры, причѣмъ приводитъ нѣкоторыя событія изъ личной жизни и жизни другихъ людей въ подтвержденіе того, что молитва предъ святыми иконами, по вѣрѣ молящагося, избавляетъ человѣка отъ бѣдъ. Весьма просто и наглядно авторъ изъясняетъ смыслъ почитанія иконъ.

Вообще брошюра о. Наумовича читается съ живымъ интересомъ и распространеніе ея въ народѣ, особенно въ мѣстностяхъ, зараженныхъ штундою, весьма желательно. По простотѣ, ясности и наглядности изложенія она доступна всякому грамотному крестьянину, а послѣ внутреннаго убѣжденія она несомнѣнно можетъ произвести доброе вліяніе на читателя. Переводъ брошюры сдѣланъ очень удачно.

Такъ какъ авторъ пишетъ свой трудъ на галицко-русскомъ нарѣччіи, которое, за самыми незначительными отличіями, въ сущности представляетъ нарѣччіе малорусское, то думается, что брошюра о. Наумовича была бы пригодна и въ подлинникѣ для чтенія нашихъ малоруссовъ, среди которыхъ штунда получила такое широкое распространеніе.

Въ виду вышеизложеннаго, Учебный Комитетъ полагалъ бы брошюру священника І. Наумовича: „Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда“ (С.-Петербургъ, 1885 г.) рекомендовать для пріобрѣтенія въ церковныя бібліотеки для чтенія народа, а также въ ученическія бібліотеки духовныхъ семинарій и училищъ и епархіальныхъ женскихъ училищъ для выѣкласнаго чтенія учащихся.

СИНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ:

Въ синодальныхъ книжныхъ лавнахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

Имѣются въ продажѣ слѣдующія книги: Сочиненія доктора богословія, священника Владимира Гетте, на французскомъ языкѣ (изд. въ Парижѣ):

Исторія церкви (Histoire de l'Eglise). Первые четыре тома, содержащіе въ себѣ исторію христіанской церкви отъ Рождества Иисуса Христа до половины V вѣка. Цѣна за каждый томъ 3 рубля. Ереси папства (La Papute Héretique). Очеркъ ересей, заблужденій и ново введеній римской церкви со времени отдѣленія ея отъ православной восточной церкви въ IX вѣкѣ. Изд. 1874 года, 375 стр. Цѣна 3 руб.

Напечатанное новымъ изданіемъ:

Руководство къ изученію христіанскаго православнаго догматическаго богословія. Митрополита Макарія. — Изд. москов. 1886 г. въ бум. цѣна 40 к.

Съ разрѣшенія Св. Синода духовнымъ учрежденіямъ и лицамъ, а равно благотворительнымъ обществамъ, выписывающимъ синодальныя изданія не для торговыхъ цѣлей, а въ видахъ благотворительнаго снабженія таковыми изданіями народа по возможно дешевымъ цѣнамъ дѣлается 10% уступки, съ даровою пересылкою книгъ, но съ тѣмъ, чтобы таковыя требованія дѣлаемы были за наличныя деньги и при томъ на сумму не менѣе 25 руб. въ одинъ разъ; книгопродавцамъ же, а равно и прочимъ мѣстамъ и лицамъ при покункѣ синодальныхъ изданій за наличныя деньги и на сумму не менѣе 25 р. въ одинъ разъ, дѣлается 10% уступка безъ даровой пересылки.

Поступилъ въ продажу въ первый разъ напечатанный, по благословенію Св. Синода, Молитвословъ іерейскій изд. ст.-петербургской синодальной типографіи, 1885 г. ц. п. въ бумажн. переп. 1 р. 40 к., въ сафьянѣ 2 р.

Тамъ же продаются:

Богослужебныя каноны. На русскомъ яз., переводъ съ греческаго, профес. Ловягина, въ 16 д. бум. 45 коп. На славянскомъ и русскомъ яз. съ 8 д. въ бум. 1 р. На греческомъ и славянскомъ и русскомъ языкахъ, въ 4 д. въ бум. 1 р. 65 к.

ОБЪЯВЛЕНІЯ И ИЗВѢСТІЯ.

— Панихида за упокой Царя-Освободителя. 19 минувшаго Февраля, въ достопамятный день освобожденія 23-хъ милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, въ Варшавскомъ Кафедральномъ Соборѣ отслужена Преосвященнымъ Флавіаномъ Епископомъ Люблинскимъ, Викаріемъ Холмско-Варшавской Епархіи, торжественная пани-

хида за упокой въ Бозѣ почивающаго Царя-Освободителя Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Николаевича.

— **Благословеніе Святѣйшаго Синода.**—Церковному старостѣ Границкой Александровской церкви управляющему Границкою Таможнею статскому совѣтнику Симеону Яковлеву за пожертвованія въ пользу церкви преподано благословеніе Святѣйшаго Синода съ выдачею грамоты, препровожденной Его Высокопреосвященству при указѣ отъ 27 января.

— **Пожертвованія въ пользу Волосковольской церкви.**—Въ прошломъ 1885-мъ году Волосковольская церковь I Влодавскаго округа обновлена съ наружной стороны и покрашена масляною краскою; вокругъ церковнаго погоста устроена столярной работы рѣшетчатая ограда съ дубовыми столбами, съ воротами и калитками; такая же ограда устроена вокругъ Волосковольскаго кладбища на пространствѣ около 180 сажень. Такъ-какъ на производство означенныхъ работъ церковь не имѣла собственныхъ средствъ: то по совѣщанію благочиннаго съ настоятелемъ церкви при участіи мѣстнаго гминнаго судьи Іосифа Яскевича, извѣстнаго своимъ благочестивымъ усердіемъ ко храму Божию, рѣшено было обратиться къ частной благотворительности для полученія лѣснаго матеріала и денежныхъ пожертвованій. По ходатайству г. Яскевича, помѣщики Влодавскаго уѣзда, Войтѣхъ Соколовскій, Валерія Непокойчицкая, Людовикъ Красовскій, Людовикъ Рошковскій, Вячеславъ Горновскій, Александръ и Викентій Карпинскіе и Вульфъ Ермуловичъ пожертвовали на означенное церковностроительное дѣло по 12 строевыхъ сосенъ и дубовъ, цѣною на 500 рублей. Матеріаль этотъ вывезли изъ лѣсовъ Волосковольскіе прихожане. На тоже дѣло поступили слѣдующія денежные пожертвованія: отъ прихожанъ Волосковольской церкви—70 руб.; отъ настоятеля тойже церкви священника Антонія Телиховскаго—50 руб., отъ гминнаго судьи Іосифа Яскевича—50 руб., отъ владѣльца имѣнія Волосковели Гороха 3 руб., отъ секретаря гминнаго суда михаила Доморовскаго 1 рубль и отъ псаломщика Волосковольской церкви Лопатки 1 рубль; а всего пожертвовано 175 рублей; къ этой суммѣ присоединены 40 рублей, вырученныхъ отъ продажи оставшагося лѣснаго матеріала, и 40 рублей изъ церковныхъ денегъ. Въ производствѣ означеннаго церковно-строительнаго дѣла прихожане, сверхъ денежныхъ пожертвованій, участвовали своими бесплатными работами. Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 7 минувшаго Февраля на рапортѣ благочиннаго I Влодавскаго округа предложено изъявить жертвователямъ благодарность.

— **Пожертвованія въ Ломжинскій Соборъ.**—Въ концѣ минувшаго 1885-го года въ Ломжинскій Святотроицкій Соборъ, въ память умершаго управлявшаго Ломжинскою Казенною Палатою Стефана Павловича Щепкина, братъ его Митрофанъ Щепкинъ пожертвовалъ икону Св. Троицы въ се-

ребрянномъ окладѣ, парчевое священническое облаченіе и діаконскій стихарь, цѣною въ 200 рублей. Архипастырскою Его Высокопреосвященства резолюціею 6-го минувшаго Февраля на рапортъ благочиннаго Сувалкескаго округа предложено изъять жертвователю благодарность.

—●— Отчетъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія Холмска-Варшавской Епархіи за 1885 годъ.

А. Приходъ, расходъ и остатокъ попечительскихъ суммъ древлеправославнаго духовенства.

Отъ прошлаго 1884 года къ 1 января 1885 года оставалось:

1) билетами:

а) въ государственномъ непрерывно-ходномъ билетѣ	6000 р.
б) въ 80 5% билетахъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа	8000 р.
в) въ 14 5% билетахъ Государственнаго Банка 1-го (1860 г.) выпуска	1400 р.
г) въ 74 5% облигаціяхъ I, II и III восточныхъ займовъ	22650 р.
и д) въ 37 4% ликвидационныхъ листахъ Ц. П.	7900 р.

Итого билетами 45950 р.

2) наличными 1061 р. 40 к.

А всего билетами и наличными 47011 р. 40 к.

Къ тому въ 1885 г. поступило:

1) Получено процентовъ по всемъ % билетамъ, принадлежащимъ попечительству, за исключеніемъ депозитныхъ, комиссионныхъ и Государственнаго налога 2347 р. 4½ к.

2) Получено за вышедшіе въ тиражъ два ликвидационныхъ листа по 250 р. каждый, и одинъ билетъ 2 внутренняго съ выигрышами займа въ 100 руб. 618 р. — к.

3) Представлено настоятелями древлеправославныхъ церквей: а) добротныхъ поданій въ заведенія при церквахъ кружки въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія 166 руб. 35 к., б) пожертвованныхъ причтами и другими лицами по подписнымъ листамъ 430 р. 55 к. и в) удѣленныхъ изъ церковныхъ суммъ 298 р. 58 к. всего. 905 р. 48 к.

4) Штрафныхъ. 39 р. 78 к.

и 5) Приобрѣтено на наличныя попечительскія суммы: 3 облигаціи 1-го восточнаго займа 1200 р. — к.
и 8 облигацій III восточнаго займа 1700 р. — к.

Итого съ остаточными отъ 1884 года 53821 р. 70½ к.

Изъ этой суммы въ 1885 г. употреблено въ расходъ.

1) выдано попечительскаго пособія вдовамъ, заштатному псаломщику и сиротѣ . 1455 р. — к.

2) Уплачено почтовой Конторѣ за пересылку денегъ 8 р. 89 к.

3) За 11 облигацій I и III займа уплачено 2558 р. 2 к.

4) Вышли въ тиражъ погашенія:

а) два ликвидационныхъ листа по 100 р. 200 р. — к.

б) два ликвидационныхъ листа по 250 р. 500 р. — к.
в) одинъ билетъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа 100 р. — к.
и г) При покупкѣ облигацій III восточнаго займа въ 1000 р. къ наличнымъ 697 р. 90 коп. придано три облигаціи того же займа . 300 р. — к.

Итого въ 1885 году въ расходъ было 5121 р. 91 к.

За тѣмъ къ 1-му января 1886 г. оставалось:

1) въ Государственномъ 4% непрерывно-ходномъ билетѣ 6000 р. — к.

2) въ 79 5% билетахъ 2 внутренняго съ выигрышами займа 7900 р. — к.

3) въ 14 5% билетахъ Государственнаго Банка 1-го (1860 г.) выпуска 1400 р. — к.

4) въ 82 5% облигаціяхъ I, II и III восточныхъ займовъ 25250 р. — к.

5) въ 34-хъ ликвидационныхъ листахъ Царства Польскаго 7200 р. — к.

Итого билетами . 47750 р. — к.

и в) наличными 949 р. 79½ к.

А всего билетами и наличными 48699 р. 79½ к.

Б. Приходъ, расходъ и остатокъ попечительскихъ суммъ духовенства воссоединенныхъ церквей.

Отъ 1884 года къ 1 января 1885 года оставалось:

1) Билетами:

а) въ 10 4% ликвидационныхъ листахъ Цар. Пол. 1300 р. — к.

б) въ 20 облигаціяхъ восточныхъ займовъ 2900 р. — к.

и 2) наличными 445 р. 43 к.

А всего билетами и наличными 4645 р. 43 к.

Къ тому въ 1885 году поступило:

а) процентовъ по билетамъ 211 р. 57½ к.
и б) куплено: 4 облигаціи I восточнаго займа 400 р. — к.

2 облигаціи III восточнаго займа 200 р. — к.

Итого билетами и наличными 5457 р. ½ к.

Изъ этой суммы употреблено въ 1885 г. въ расходъ:

Уплачено за 4 облигаціи I восточнаго займа 395 р. — к.

Уплачено за 2 облигаціи III восточнаго займа 195 р. 55 к.

Итого въ расходъ 590 р. 55 к.

Затѣмъ къ 1 января 1886 г. осталось:

1) въ 10 ликвидационныхъ листахъ Ц. П. 1300 р. — к.

2) въ 26 облигаціяхъ восточныхъ займовъ 3500 р. — к.

и 3) наличными. 66 р. 45½ к.

А всего билетами и наличными 4866 р. 45½ к.

Списокъ лицамъ, коимъ въ теченіе 1885 года выданы по-
бія изъ попечительской суммы.

Священнослужительскимъ вдовамъ:

1) Елисаветъ Должанской	35 руб.
2) Агаѳи Буруцкой	100 „
3) Аннѣ Сикорской	70 „
4) Маріи Яроцкой	100 „
5) Александръ Келдышъ	50 „
6) Маріи Юхновской	50 „
7) Ольгѣ Юхновской	30 „
8) Евгевій Лебедевой	100 „
9) Александръ Тросницкой	75 „
10) Аннѣ Голубовичъ	60 „
11) Любови Сагайдаковской	70 „

Защитному псаломщику:

12) Иоакиму Павловскому	45 „
-----------------------------------	------

Вдовамъ псаломщиковъ:

13) Маріи Занозовской	45 „
14) Домини Гужаловской	40 „
15) Маріи Туркевичъ	40 „
16) Маріи Кашперской	40 „
17) Юліи Смирновой	50 „
18) Маріи Алексѣевой	50 „
19) Надеждѣ Скоропадской	50 „
20) Евѳросиніи Жолтовской	40 „
21) Софіи Бѣлецкой	80 „
22) Александръ Быковой	50 „
23) Целаги Оглоблинской	36 „
24) Маріи Ревиничъ	80 „
25) Сусаннѣ Яроцкой	30 „
26) Александръ Цихоцкой	41 „
27) Екатерины Волопинской	38 „
28) Сиротѣ Алексѣю Подугродецкому	30 „

Итого 1455 „

Для сбора денежныхъ пожертвованій въ пользу попечи-
тельства о бѣдныхъ духовнаго званія Холмско-Варшавской
Епархіи въ текущемъ 1886 году разосланы изъ консисторіи
подписные листы конторѣ Варшавскаго Архіерейскаго До-
ма, настоятелямъ Яблочинскаго монастыря, Варшавскаго
Каедральнаго Собора и всѣхъ древлеправославныхъ церк-
вей, а также и настоятелямъ воссоединенныхъ церквей Су-
валкескаго Округа, съ тѣмъ, чтобы денежные количества,
какъ собранныя по подписнымъ листамъ, такъ и поступив-
шія въ кружки, а также и удѣленные изъ церковныхъ суммъ,
представлены были въ консисторію вмѣстѣ съ подписны-
ми листами и особыми записками кружечныхъ сборовъ *не-
прежнно къ 20 декабря.*

ОТДѢЛЪ II.

Церковь въ селѣ Дворце.

До настоящаго времени древніе предѣлы об-
ширной Холмско-Белзской православной епископіи
не были никѣмъ обозначены даже съ приблизитель-
ною точностью. Хранящаяся въ Люблинскомъ ар-
хивѣ грамота Яна III Собѣскаго отъ 17 марта
1680 г.— Дворецкой Спасо-Преображенской церкви
дастъ довольно ясное понятіе о *южныхъ* границахъ
этой епископіи, которыя, какъ оказывается, прохо-
дили близь р. Раты и ея притока р. Бѣлой. У самаго
почти слиянія помянутыхъ рѣкъ и лежитъ село
Дворце (Dworce). — Вмѣстѣ съ тѣмъ грамота Яна
Собѣскаго служить ключемъ къ обнаруженію раз-
дѣльной черты между землями Белзскою и Львов-
скою. Но не въ одномъ только топографическомъ
отношеніи важна эта грамота. Она замѣчательна
еще и потому, что знакомить насъ съ стародавними
юридическими обычаями, существовавшими среди
червонорусскаго православнаго духовенства. Изъ
нея мы видимъ, между прочимъ, что земля приход-
ская со всѣми принадлежавшими къ ней угодьями,
отведенная для потребностей приходскаго духовен-
ства, состояла въ нераздѣльномъ пожизненномъ вла-
дѣніи и пользованіи членовъ (мужскаго пола) всей
священнической семьи, названныхъ въ грамотѣ *по-
повичами*. Имущественное и сословное положеніе
поповичей въ Червонной Руси обусловливалось на-
чалами церковнаго устройства, упрочившимися при
Владимірѣ св. Въ своемъ уставѣ о церковныхъ су-
дахъ онъ прямо причисляетъ поповичей къ *церко-
внымъ людямъ*, изъятымъ изъ юрисдикціи свѣтскаго
суда.

Привожу полный текстъ грамоты въ переводѣ
съ польскаго:

„Мы, Янъ III Божіею милостію король польскій,
великій князь литовскій, русскій, прусскій, мазо-
вецкій, жмудскій, кіевскій, волинскій, подолецкій,
подляскій, инфлянтскій, смоленскій, сѣверскій и
черниговскій. Объявляемъ сею нашею грамотою
всѣмъ вообще и каждому въ отдѣльности, кому
слѣдуетъ о томъ вѣдать, что по обычаю нашихъ
предшественниковъ, радѣя о благѣ всѣхъ поддан-
ныхъ нашихъ какого бы ни было состоянія и званія,
ввѣренныхъ Богомъ нашей державѣ, дабы каждый
ненарушимо и спокойно пользовался своими пра-
вами, преимуществами и льготами, мы благосклонно
снизошли къ предстательству членовъ государствен-
наго совѣта, основанному на челобитной преподоб-
ныхъ Григорія Васильевича и Ивана Прокоповича,

настоятелей церкви Спаской, — Ивана и Стефана сыновей ихъ, а также Михаила Прокоповича и Ивана Васильевича, Сенька и Гриця поповичей, и, не умалявая препятствій къ оставленію ихъ при приходѣ въ селѣ Дворце, принадлежащемъ къ нашему Белзскому старосту, сохраняемъ за ними сей приходъ настоящей грамотой, въ силу коей поименованные священнослужители и поповичи, всѣ сообща и каждый въ отдѣльности, имѣютъ владѣть и безпрепятственно пользоваться, до конца своей жизни, всѣми приходскими строеніями, лугами, землями, нивами, огородами, сѣнокосами, пастбищами, лѣсами, борями, пасѣками, дворищами, запрудами, озерами, рѣками и всякимъ инымъ издавна предоставленнымъ приходскому духовенству имуществомъ, въ границахъ, описанныхъ въ особой подлинной грамотѣ, а равно доходами съ оного. Да будутъ они, согласно церковнымъ привилегіямъ, свободны отъ поставки подводъ, отъ платежа десятины медомъ, овцами, волами и домашнею птицею, отъ стоянокъ, дневокъ и вообще повинностей на военныя потребности и да будетъ оставлено за ними право безвозвратно вывозить изъ мѣстныхъ лѣсовъ и рубить въ нихъ дерево на отопленіе, постройку (однако безъ опустошенія оныхъ) и безкрепятственно, безвозмездно пользоваться мельницами, правомъ пивоваренія и винокуренія на храмовые праздники и для домашняго употребленія, по давнишнему церковному обычаю, съ тѣмъ, чтобы ежегодно уплачивали дворскому управленію съ этого прихода чиншъ и выполняли установленныя закономъ обязанности. Обѣщаемъ отъ нашего и нашихъ преемниковъ имени, что мы никогда не лишимъ названныхъ священнослужителей (если только они способны будутъ къ отправленію церковной службы) а также поповичей, права владѣнія и пользованія предоставленнымъ имъ приходомъ. О чемъ извѣщая нашего правителя Мостовскаго, нынѣшнихъ и будущихъ экономовъ, подстаростъ и другихъ чиновъ, повелѣваемъ, дабы всемѣрно заботились о соблюденіи настоящей грамоты по отношенію къ церковнымъ лицамъ, коимъ она дается, не упуская, однако, охранять интересы наши, рѣчи-посполитой и римско-католической церкви. Для большей достовѣрности, подписавшись собственноручно, мы приказали приложить коронную печать.

Дано въ Варшавѣ. Марта 17 дня 1680 г., а нашего царствованія седьмого. Король Янъ.—Грамота внесена въ Грабовецкія книги 1744 г., по требованію настоятеля Грабовецкаго, декана Грубешовскаго и Щербешинскаго Іоанна Лорецкаго.

А. Лонгиновъ.

10 Февраля 1886 г.
г. Люблинъ.

Судьба русскихъ незаконно перешедшихъ въ латинство.

Люблинская и Сѣдлецкая губерніи, входившія въ бывшія времена въ составъ удѣльнаго русскаго княжества, (съ г. Холмомъ во главѣ, населены преимущественно восточныя части ихъ) кореннымъ русскимъ народонаселеніемъ. Въ послѣдствіи, когда означенная область подпала подъ владѣніе польскихъ королей, положенъ былъ конецъ ея самостоятельной русской жизни. Побѣдители воспользовались правомъ сильнѣйшаго и отсюда произошолъ крутой переворотъ въ судьбѣ кореннаго русскаго, православнаго народонаселенія. Русскіе должны были отречься отъ своихъ правъ и вѣрованій, если желали пользоваться преимуществами гражданъ польскаго королевства. Чтобы порвать окончательно связь русскихъ съ остальнымъ русскимъ народомъ, — пришлось расторгнуть и религіозныя узы, которыми сплоченъ былъ весь русскій народъ Холмщины, отъ вліянія русскихъ іерарховъ. Выдумано унію, имѣвшую служить мостомъ, чрезъ который русскій народъ перешолъ въ католицизмъ; — для ознакомленія же его съ рим.-кат. вѣроисповѣданіемъ началась усиленная постройка костеловъ — причемъ окатоличившимся мѣстнымъ или прибывшимъ изъ Польши помѣщикамъ предоставлено въ этомъ дѣлѣ полную свободу, полагаясь конечно на ихъ патріотизмъ.

Между сплошнымъ народонаселеніемъ русскимъ возникли костелы, поддерживаемые всевластнымъ въ это время помѣщикомъ и разсѣянными по всему краю іезуитами; рядомъ съ окатоличеніемъ началась и колонизація края; — костель, за неимѣніемъ польскихъ народныхъ школъ (по селамъ) долженъ былъ служить и другой дѣли — „польской справѣ“. Мѣстами, въ особенности по городамъ и мѣстечкамъ, гдѣ дѣйствовало „Магдебургское право,“ (предоставлявшее разныя льготы исключительно католикамъ), поляки достигли отчасти намѣченной дѣли; — не то по селамъ и деревнямъ, гдѣ русскій крайне консервативный народъ (притомъ массою) трудно было ополячить.

Къ счастью для угнетенныхъ матеріально и духовно русскихъ жителей нашей мѣстности въ недавнее время насталъ другой періодъ жизни — народу дана полная свобода развиваться матеріально и духовно, при томъ въ духѣ не чуждомъ, а природномъ ему, русскомъ. И вотъ какъ слѣдствіе этого 10 лѣтъ тому назадъ народъ возвратился въ лоно матери своей духовной, православной Церкви. Послѣ перенесенныхъ страданій какъ легко должно бы было жить всему русскому нашему народу — дышать полною грудію русскимъ духомъ! И дѣйствительно много десятковъ тысячъ русскихъ людей, ничѣмъ не связанные, пользуются свободно предоставленнымъ имъ правомъ. Но къ сожалѣнію есть немало рус-

скихъ людей, отторгнутыхъ искусственно отъ своей народности: мы говоримъ о незаконно перешедшихъ въ латинство. Какъ извѣстно, во времена уніи (до освобожденія крестьянъ, а отчасти и до самаго воссоединенія съ правосл.) р. кат. духовенство старалось увѣрить народъ, что унія и католицизмъ одно и то же, что все равно, будетъ ли уніять исполнять требы въ костелѣ, или въ церкви. Послѣдствія такого ученія были слѣдующія. Въ мѣстностяхъ, гдѣ были костелы, жители греко-уніатскаго вѣроисп. въ полной увѣренности въ правдивости означеннаго ученія, крестили дѣтей своихъ, за отсутствіемъ или неимѣніемъ своего священника, въ костелахъ, а равно и заходили по временамъ сами въ костелъ послушать богослуженія, совершаемаго иногда р.-к. ксендзомъ вмѣстѣ съ гр.-уніатск. священникомъ. И такъ съ каждымъ годомъ увеличивалось число прихожанъ р.-к. костела. Между тѣмъ времена пришли другія, злоупотребленіямъ положенъ былъ конецъ, но незаконно крещенные въ костелѣ остались принадлежащими къ чужому имъ вѣроисповѣданію, отторгнутыми отъ вѣроисповѣданія своихъ отцовъ, братьевъ и сестеръ, говорящими въ добавокъ на такомъ же самомъ, русскомъ, какъ и они, языкѣ. Такимъ-то образомъ и возникли р.-к. приходы, прихожане которыхъ состоятъ исключительно изъ лицъ народности русской и употребляющихъ по настоящее время русскій разговорный языкъ.

Правда, что сравнительно не очень то много есть такихъ р.-к. приходоу, но есть; спрашивается, какая ждетъ ихъ участь, если не подать имъ руку помощи? сохранять ли они, отторгнутые отъ остальнаго русскаго міра, свою народность? Никакъ нѣтъ! потому что вмѣстѣ съ латинствомъ сполучена тѣсно и полонизація, такъ какъ въ костелѣ произносятся разныя пѣсни, проповѣди, а равно обученіе молодежи катихизису исключительно на польскомъ, т. е. чуждомъ ихъ народности, языкѣ и духѣ. И такъ на нашихъ глазахъ совершается полонизація многихъ чисто русскихъ семействъ! Нужноли имъ помочь? Ежели же нужно, то какъ поступить?

Возьмемъ для примѣра Дубовскій правосл. приходъ, гдѣ имѣется и р.-кат. костелъ. Въ цѣломъ Томашовскомъ уѣздѣ р.-кат. пропаганда ни въ одномъ изъ чисто русскихъ селъ не успѣла распространиться такъ, какъ въ означенномъ приходѣ, чему способствовалъ р.-кат. костелъ посредствомъ фелиціанокъ (монахинь), поселившихся въ Дубовскомъ приходѣ и обучавшихъ народъ чисто русскій польской грамотѣ, молитвамъ и проч. Тѣмъ только можно объяснить тотъ фактъ, что по свѣдѣніямъ, собраннымъ въ 1870 г. чиновникомъ особыхъ порученій, число незаконно перешедшихъ въ латинство въ Дубовскомъ приходѣ можно считать около 580 душъ. Цифра довольно значительная на деревенскій приходъ, — такое значительное число незаконно перешедшихъ могли бы со-

ставить пожалуй и самостоятельный приходъ! Такое количество перешедшихъ можно объяснить тѣмъ, что съ 1839 по 1860 г. по случаю упраздненной по ветхости греко-уніатской церкви всѣ требоисполненія а равно и Богослуженіе совершалось въ мѣстномъ р.-кат. костелѣ. Вотъ какую службу сослужилъ р.-кат. костелъ. А въ началѣ, т. е. во времена его основанія, врядъ ли считалось въ немъ больше прихожанъ, сколько въ настоящее время незаконно перешедшихъ, потому что небылобы нужды для того, чтобы сформировать самостоятельный р.-к. приходъ при означенномъ костелѣ, приписывать къ нему такъ много селъ и деревень (10), нѣкоторыя же изъ нихъ изъ другаго уѣзда — въ разстояніи отъ с. Дуба около 10 верстъ. Что Дубовскій р.-кат. приходъ основанъ исключительно съ цѣлью распространенія католицизма между русскимъ народомъ явствуетъ изъ того, что въ недалекомъ разстояніи отъ него имѣется четыре р.-кат. костела, слѣдовательно для тѣхъ немногихъ изъ р.-католиковъ, которые съ первоначала могли быть въ районѣ нынѣшняго р.-к. Дубовскаго прихода, достаточно былобы и тѣхъ; между тѣмъ открытъ еще и пятый р.-к. приходъ въ с. Дубѣ. На пространствѣ немного больше 1 квад. мили пять р.-к. костеловъ въ мѣстности искони русской! Постройку нѣкоторыхъ изъ нихъ можно пожалуй еще объяснить тѣмъ, что они построены между поселившимся въ нашей мѣстности въ давнее еще время польскимъ народомъ (колоніями) или же б. городкамъ (Тышовцахъ, Грабовцѣ, Комаровѣ¹⁾), которые служили центрами административными б. Польскаго Королевства, — но постройка костела въ селѣ Дубѣ, гдѣ нѣтъ ни одного кореннаго мѣстнаго прихожанина польскаго происхожденія, необяснима ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, чтобы русскій народъ окатоличить и ополячить, онъ построенъ „in partibus infidelium“. При б. правительствѣ (польскомъ), преслѣдовавшемъ свои цѣли, такое положеніе вещей могло существовать, но въ настоящее время, когда мѣстный, русскій, народъ возвратился подъ владѣніе своихъ прежнихъ, прирожденныхъ, русскихъ Царей, будетъ вполне справедливымъ, если наравнѣ съ послѣдовавшимъ освобожденіемъ народа изъ подъ ига матеріальнаго, будетъ предоставлена ему возможность выйти въ какъ возможно скоромъ времени и изъ подъ ига духовнаго, не дающаго ему развиваться въ духѣ чисто національномъ, русскомъ. Главнымъ препятствіемъ возрожденія русскаго духа служить р.-к. костелъ, заставляющій мѣстный, русскаго происхожденія народъ (употребляющій въ домашнемъ обиходѣ, какъ выше сказано, исключительно русскій языкъ) отречься отъ своей русской рѣчи, такъ какъ народъ означенной мѣстности при-

¹⁾ Комаровскій р.-к. костелъ считается приписаннымъ къ Лабунскому приходу.

нужденъ употреблять чужой ему польскій языкъ (впр. при исповѣди, при произнесеніи молитвъ, и вообще при объясненіяхъ своихъ съ своимъ причтомъ). Мы говоримъ: принужденъ, — доказательствомъ чего служить фактъ¹⁾, что ксендзъ р.-кат. Дубовскаго прихода приказалъ убрать изъ кладбища крестъ, имѣвшій быть водруженнымъ на могилѣ покойнаго, единственно потому, что на немъ была русская надпись. — Органистъ же означеннаго прихода, ходя по домамъ, убѣждалъ прихожанъ убирать со стѣнъ домовъ своихъ иконы съ русскою надписью. Слѣдовательно на нашихъ глазахъ предоставлена р.-к. костелу полная свобода ополяченія русскаго народа. Какъ помочь роднымъ братьямъ нашимъ (вовлеченнымъ незаконно въ католицизмъ) въ данномъ случаѣ?

Нужно по нашему мнѣнію предложить р.-кат. ксендзамъ въ мѣстностяхъ, населенныхъ исключительно кореннымъ русскимъ народонаселеніемъ, употреблять въ обращеніи съ народомъ исключительно русскій языкъ, что вовсе не будетъ противно духу ученія римской церкви: предоставлено вѣдь право р.-католику французу, нѣмцу, употреблять свой французскій, нѣмецкій языки, слѣдовательно и русскій р.-кат. вѣроисповѣданія можетъ тоже воспользоваться этимъ правомъ²⁾. Въ прежнее время, когда р.-кат. духовенство не воспитывалось въ русскихъ школахъ, т. е. когда не владѣло русскимъ языкомъ, такая мѣра была невозможною, въ настоящее же время она вполне осуществима. Стоитъ только потребовать, чтобы въ р.-кат. приходахъ, состоящихъ изъ кореннаго русскаго происхожденія прихожанъ, р.-кат. духовенство обращалось съ ними (прихожанами) на мѣстномъ, русскомъ языкѣ, и народъ не потеряетъ своей національности, по крайней мѣрѣ не будетъ поставленъ въ необходимость употреблять, чуждаго ему, польскаго языка, т. е. русскій народъ въ своемъ родномъ русскомъ государствѣ будетъ защищенъ отъ грозящей ему опасности потерять свою національность.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ впр. въ Дубовскомъ приходѣ, можно достигъ означенной цѣли прямо закрытіемъ р.-кат. костела. Какъ пояснено выше, къ означенному костелу приписаны деревни, находящіяся почти въ такомъ же разстояніи отъ Дубовскаго, какъ и отъ другихъ, сосѣднихъ, костеловъ, слѣдуетъ приписать только означенныя деревни къ другимъ костеламъ. Причемъ это было бы безъ ущерба католицизму, такъ какъ приписнымъ къ костелу прихожанамъ все равно, къ которому бы то ни было костелу принадлежать (нѣкоторымъ даже ближе будетъ), а штатъ Дубовскаго р. кат. прихода можно употре-

бить на открытіе прихода въ другой, болѣе нуждающейся въ храмѣ, мѣстности.

Обстоятельное разслѣдованіе всего вышеизложеннаго предоставляемъ болѣе компетентнымъ лицамъ, — мы желали только обратить благосклонное вниманіе русскаго общества на нашъ уголокъ, известная часть жителей котораго поставлена въ неблагоприятныя его національному развитію ихъ условія.

Сельскій священникъ.

Превращенія одного изъ дѣятелей польской спра вы въ Галиціи.

Для лучшей характеристики издателя пресловутой львовской газеты „Русь“ о. Бобровича и для вѣрнѣйшаго представленія фактовъ, изложенныхъ въ Холмско-Варшавск. Епархіальн. Вѣстникѣ № 3 за текущій годъ, считаю умѣстнымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой интересной личности, почерпнутыя изъ личнаго моего знакомства съ ней и рассказовъ людей заслуживающихъ полного довѣрія.

Отецъ Л. Бобровичъ уроженецъ г. Грубешова Люблинской Губерніи, сынъ уніятскихъ родителей, по окончаніи б. Грубешовскаго уѣзднаго училища, *измѣнивъ своей русской церкви*, поступилъ въ Люблинскую духов. р.-католическую семинарію¹⁾. Окончивъ оную съ отличнымъ успѣхомъ, онъ, въ числѣ лучшихъ ея воспитанниковъ, былъ отправленъ для высшаго богословскаго образованія въ б. Варшавскую духов. р.-католическую академію.

Въ академіи пробылъ онъ не долго. Ему помѣшала окончить оную какая-то прекрасная варшавянка, за интимныя отношенія къ которой и за другія непохвальныя дѣйствія онъ чуть не поплатился было совершеннымъ исключеніемъ изъ духовнаго званія. Только, благодаря своей находчивости, онъ избѣжалъ этой печальной участи. Въ то время, когда рѣшалась въ академіи судьба нынѣшняго просвѣтителя Галиціи о. Бобровича, незабвенный въ нашей епархіи князь Черкасскій потребовалъ отъ академическаго начальства исключенія изъ своего заведенія б. воспитанниковъ Холмской духов. семинаріи, посланныхъ туда на казенный счетъ, въ числѣ 5 человекъ, номинатомъ Калинскимъ, для приготовленія въ сотрудники ему по управленію епархіей и

¹⁾ Быть можетъ, что о. Бобровичъ не охотно поступалъ въ люблинскую семинарію, онъ предпочелъ бы мнѣ кажется поступить въ Холмскую; но слѣдуетъ замѣтить, что до самыхъ послѣднихъ дней управленія Х. Епархіей номинатомъ Калинскимъ, существовалъ обычай не допускать въ холмскую семинарію кандидатовъ изъ свѣтскаго званія а только изъ духовнаго.

¹⁾ Напечатанный въ Варшавскомъ Дневникѣ № 30 (стр. 2).

²⁾ Для охраненія нѣмецкой національности назначенъ въ Познань р.-кат. архіепископомъ Нѣмецъ — хотя въ польской мѣстности.

въ преподаватели богословскихъ наукъ въ мѣстной семинаріи, на мѣсто преподавателей, получившихъ образованіе въ Кіевской и Московской академіяхъ. — Князь Черкасскій, удаляя Холмскихъ семинаристовъ изъ б. Варшавской академіи, желалъ направить ихъ въ русскія духовныя академіи, но они отказались отъ этого и возвратились обратно въ Холмъ, а оттуда, по окончаніи богословскихъ наукъ, опредѣлились въ б. Варшавскую главную школу. Требованіе князя по отношенію къ Холмскимъ семинаристамъ, воспитывавшимся въ б. Варшавской духов. академіи, хотя не касалось вовсе о. Бобровича, яко никогда не бывшаго въ холм. семинаріи, — но онъ, въ избѣжаніе своего исключенія изъ академіи, за безнравственныя продѣлки, — явился самъ къ князю и *заявилъ о своемъ русскомъ происхожденіи*; вслѣдствіе чего требованіе это распространилось и на Л. Бобровича. — Этимъ ловкимъ маневромъ Л. Бобровичъ достигъ той цѣли, что оставилъ академію не яко изгнанникъ изъ оной за дурное поведеніе, — но яко гонимый, будтобы, за вѣру. Окруженный такимъ ореоломъ мученичества, онъ остался на жительство въ городѣ Варшавѣ и содержался на иждивеніе латинскаго духовенства, которому изъ благодарности выслуживался исполненіемъ нѣкоторыхъ духовныхъ обязанностей, какъ-то: проводовъ на кладбище умершихъ, проповѣдыванія слова Божія въ одностовые дни по различнымъ варшавскимъ костеламъ и т. п.

Эти проповѣди, исполненныя іезуитскаго искусства, произносимыя такимъ человѣкомъ, который подвергся, будтобы, преслѣдованію за вѣру, и при томъ надѣленнаго отъ природы вѣшной красотой, сдѣлали ему громкую извѣстность въ цѣлой Варшавѣ и открыли входъ во всеѣ дома фанатиковъ и патриотовъ польскихъ, по преимуществу же изъ среды прекрасныхъ варшавянокъ. — Понятно, что мнимый мученикъ г. Бобровичъ своимъ обаяніемъ сумѣлъ воспользоваться какъ нельзя лучше. Онъ въ этомъ раѣ земномъ испилъ чашу роскоши до дна. По разсказамъ людей, слѣдившихъ за его жизнію по удаленіи изъ академіи, оказывается, что не было ни одного гадкаго дѣла въ закулисной жизни большаго города, въ которомъ-бы онъ не принималъ участія.

Наскучивъ себѣ, наконецъ, такую неопредѣленную и бурную жизнію въ г. Варшавѣ, о. Бобровичъ при концѣ управленія Холмской епархіей Преосвященнымъ Куземскимъ, появился въ гор. Холмѣ, и представъ предъ нашимъ владыкой, *подавъ прошеніе о рукоположеніи его въ священники, ссылаясь на свое русское происхожденіе*. — Бл. и. Епископъ Куземскій, хотя принялъ прошеніе, но къ Бобровичу отнесся съ надлежащею осторожностію. Онъ затребовалъ справокъ отъ Варшавскаго Оберъ-Полицеймейстера о его поведеніи, а также потребовалъ

экзамена по богословскимъ наукамъ и по русской литературѣ. — Съ экзаменами справился онъ очень скоро. Только сочиненіе по русскому языку о князѣ Константинѣ Острогскомъ написанное имъ по польскимъ источникамъ—въ ультрамонтанскомъ духѣ, и вдобавокъ, какой-то скандалъ, совершенный имъ тутъ же въ Холмѣ—въ гостинницѣ Крузера,—а также не совсѣмъ лестное мнѣніе Варшавской полиціи о его поведеніи, — надѣлали ему немалыхъ хлопотъ и чуть-чуть было не разстроили всеѣ его планы.

Въ виду этихъ препятствій, Преосв. Куземскій долго не рѣшался возложить на такого кандидата святительскихъ рукъ своихъ. Но достойный ученикъ Лоіолы сумѣлъ перехитрить владыку и добился рукоположенія въ священники при помощи одного изъ вліятельнѣйшихъ тогдашнихъ протоіереевъ, которому о. Бобровичъ по своимъ способностямъ подавалъ большія надежды на будущую полезную дѣятельность въ начавшей возрождаться тогда нашей епархіи.

Послѣ рукоположенія, о. Б. былъ оставленъ при Холмскомъ кафедральномъ соборѣ, въ качествѣ викарнаго священника, съ предоставленіемъ въ б. консисторіи должности какого-то мелкаго чиновника. Вскорѣ, затѣмъ, онъ получалъ назначеніе, въ качествѣ приходскаго священника, на открывшуюся вакансію въ приходѣ Своры Константиновскаго уѣзда, Сѣдлецкой губерніи, послѣ отрѣшеннаго отъ должности настоятеля этого прихода яраго фанатика и непримиримаго врага народности русской кс. Синевича, за явное сопротивленіе распоряженіямъ епархіальнаго и гражданскаго начальствъ.

Пребывая на приходѣ Своры не болѣе двухъ съ половиной лѣтъ, о. Бобровичъ не успѣлъ заявить себя никакимъ выдающимся дѣйствіемъ, даже въ смыслѣ латино-польской пропаганды. — Можно только отдать ему справедливость, что онъ былъ аккуратнымъ исполнителемъ распоряженій Преосвящ. Куземскаго, а послѣ его выѣзда въ Галицію—распоряженій б. администратора епархіи. Богослуженіе совершалъ онъ по уставу, положенному въ богослужебныхъ уніятскихъ книгахъ почаевского изданія, котораго строго придерживался и самъ пр. Куземскій;—проповѣди, хотя въ духѣ чисто католическомъ, произносилъ на мѣстномъ русскомъ нарѣчьи и это нарѣчье употреблялъ даже въ частныхъ разговорахъ съ прихожанами. Подобное поведеніе о. Бобровича въ Сворахъ шло совершенно въ разрѣзъ съ дѣйствіями его предмѣстника о. Синевича, который кромѣ польскаго языка, другаго никогда и нигдѣ не употреблялъ, а исполненіе восточнаго богослуженія довелъ до такихъ невѣроятныхъ размѣровъ, что вызывалъ порицаніе не только со стороны Пр. Куземскаго, но и всего тогдашняго уніятскаго духовенства

на Подляхін. Не удивительно, поэтому, что о. Б. не пользовался полнымъ довѣріемъ и любовью своей паствы, ибо кс. Синевичъ не одобрялъ своего наследника, а напротивъ, *называлъ его просто москалемъ и схизматикомъ*,—а тотъ, въ свою очередь, кс. Синевича называлъ дикимъ и безумнымъ фанатикомъ.

Объ эти личности представляли собой странное явленіе. Одинъ и другой сходились на пунктъ ненависти къ Россіи и православію и безпредѣльной преданности своему божищу—папѣ, а расходились въ приемахъ служенія ему. О. Бобровичъ мечталъ о государствѣ русинскомъ подъ необходимымъ условіемъ подчиненія папѣ и себя не стѣснялся называть русиномъ, а кс. Синевичъ отъ признанія себя русиномъ и отъ всякаго русскаго государства отрецивался какъ отъ демонской силы. Вотъ въ чемъ заключалась причина ихъ личнаго антагонизма.

Не смотря однако на интриги кс. Синевича, сворскіе прихожаніе, всетаки, не оставляли своей церкви и не переставали исполнять духовныя требы у о. Бобровича. Только по принятіи имъ извѣстнаго циркуляра б. х. консисторіи объ очищеніи обрядовъ, когда не стало звонковъ и монстранціи при Богослуженіи, тогда о. Бобровичъ, наравнѣ съ прочимъ духовенствомъ Подляхін, остался пастыремъ безъ овецъ. Пробылъ же онъ на приходѣ до самаго воссоединенія его съ православной церковію, т. е. до начала 1875 года. Въ этомъ году удалила за предѣлы б. холмской епархіи, и сразу гдѣ-то получилъ очень прибыльное мѣсто при сахарномъ заводѣ, преобразившись совершенно въ статскаго человѣка. Въ Галицію же эмигрировалъ онъ только послѣ смерти своей жены, послѣдовавшей въ нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ удаленія изъ прихода. Настоящей карьерой—просвѣтителя Галицкой Руси—онъ всецѣло обязанъ нынѣшнему краковскому епископу Дунаевскому, бывшему своему учителю по варшавской академіи, эмигранту съ 1863 года.

Вдополненіе къ характеристикѣ о. Бобровича можно прибавить, что онъ на первый взглядъ произвѣдилъ впечатленіе очень галантерейнаго латинскаго ксендза, съ изящными манерами, съ претензіей на краснорѣчье и ученую эрудицію. Но собственно серьезной науки и гениальной мысли въ немъ не находится. Орудіе, съ которымъ выступилъ онъ на борьбу противъ старорусской партіи въ Галиціи, это энциклопедическія знанія, приправленныя буйной фантазіей.

Старый знакомый.

Вѣротерпимость въ старой Польшѣ по отзыву Варшавской „Хвили“ (Минуты).

Въ варшавской газетѣ „Хвиля“ за январь мѣсяцъ помѣщена корреспонденція изъ Минской губерніи, подъ заглавіемъ: „Славянскій обрядъ на Руси Литовской въ свѣтъ исторической правды“. Начинается она такъ: „Вѣроятно, никогда столько, какъ въ настоящее время русская пресса не нападала на пресловутый фанатизмъ поляковъ относительно православія. Газеты, календари, брошюры и даже серьезные изданія переполнены инсинуаціями, разжигающими страсти и нарушающими домашній братскій покой; обвиняемымъ не остается ничего больше, какъ спокойно разъяснить правду фактами, которые одни только способны умиротворить теперешнюю духовную вражду, абсолютно гибельную для общества и государства. Если однимъ позволено наполнять печатные столбцы всевозможными тенденціозными вымыслами о прежней и теперешней латино-польской нетерпимости, то тѣмъ болѣе обязательно для другихъ, во имя идеи христіанскаго и племеннаго братства, провозглашать во всеуслышаніе факты, способные представить положеніе дѣлъ въ истинномъ свѣтѣ и тѣмъ самымъ дискредитировать передъ общественнымъ мнѣніемъ умышленно фальшивые воли противной стороны. Благодаря поджигательствамъ съ одной стороны и слабой оборонѣ истины съ другой, въ русскомъ обществѣ сильно распространено убѣжденіе, будто поляки и католическое духовенство, искореняя постоянно и систематически православіе, старались латинизировать церковь православную и ополячить народъ русскій“.

Такъ грозно выступаетъ неизвѣстный авторъ корреспонденціи на войну противъ русской прессы, „умышленно сѣющей на своихъ столбцахъ инсинуаціи противъ латинопольской толерантности относительно православія и тѣмъ самымъ испровергающей миръ и покой среди двухъ братскихъ народовъ“.

Прежде всего, авторъ корреспонденціи, защищая польскую вѣротерпимость, старается доказать, что поляки не только не преслѣдовали русской вѣры, но даже и не могли ее преслѣдовать. Столь странное положеніе авторъ корреспонденціи старается аргументировать такимъ образомъ. „Прошлые вѣка не имѣли понятія о государствѣннй идеѣ въ смыслѣ сліянія различныхъ народностей, такъ какъ въ то время идеалы религіозныя, богословскіе первенствовали надъ всеми прочими, а потому и предкамъ нашимъ не снилось даже о колонизаціи кого бы то ни было; все ихъ духовныя стремленія поглощались одною только мыслью о единствѣ, „уніи“ передъ Богомъ и для достиженія этой цѣли у насъ употреблялись средства болѣе благородныя и болѣе мягкія, нежели гдѣ либо и когда либо“. Отлагая вопросъ о благородствѣ и мягкости средствъ, практиковавшихся въ бывшей Польшѣ для достиженія всеобщей „уніи“ передъ Богомъ, до дальнѣйшаго изслѣдованія, мы замѣтимъ здѣсь, что авторъ корреспонденціи избралъ чрезвычайно неудачный способъ принципиальнаго отрицанія невозможности преслѣдованія одной народности другою въ прежнее время. Аргументъ этотъ справедливъ лишь въ томъ смыслѣ, что въ прежнее время не существовало сознательной и научно выработанной теории понятія племенныхъ и націо-нальных особенностей и стремленій, что вовсе не свидѣтельствуетъ объ отсутствіи самого чувства этихъ стремленій и особенностей, подобно тому, какъ, напр., отсутствіе научной теории электричества или магнетизма несколько не служило доказательствомъ отсутствія этихъ силъ природы. Эти чувства всегда присущи народу, хотя рѣдко проявляются въ чистомъ видѣ, а болѣею частью воплощаются въ какихъ либо другихъ интересахъ, напр. религіозныхъ, сословныхъ, политическихъ, имущественныхъ и т. п. Въ Россіи и Польшѣ, какъ въ настоящее, такъ и въ прежнее время, они отождествлялись съ вѣроисовѣданіемъ, а потому стремленіе поляковъ къ достиженію „уніи“ передъ Богомъ обнимало, вмѣстѣ съ тѣмъ, и попытки къ колонизаціи русской народности. Если сторона нападающая имѣла въ виду одинъ только объектъ — православіе, то и сторона подвергавшаяся нападенію обладала однимъ только этимъ

благомъ-православіемъ, въ которомъ заключались все ея индивидуальныя духовныя особенности, составляющія въ совокупности понятіе самостоятельной человѣческой личности. Еще и въ настоящее время выраженія: полякъ и католикъ, православный и русскій служатъ у насъ синонимами, не смотра на полное выдѣленіе идеи національной и племенной особенности изъ религиозной сферы; тѣмъ болѣе это имѣло мѣсто въ прежнее время, а потому религиозная нетерпимость обнимала въ то же время и нетерпимость племенную. Другое дѣло, если бы авторъ корреспонденціи съумѣлъ защитить религиозную терпимость латинства по отношенію къ православію, чего онъ и старается достигнуть всѣми силами. Посмотримъ, насколько это ему удается.

Что бывшая Польша не угнетала православія, видно, между прочимъ, по мнѣнію автора корреспонденціи, изъ того, что „братская Русь въ главной своей массѣ ничего не потеряла изъ своихъ индивидуальныхъ особенностей и что поляки, смѣшавшись съ нею кровью и обычаями, живутъ въ ненарушимомъ мирѣ съ нею, за исключеніемъ развѣ Галиціи, гдѣ на то есть особыя причины. Умышленно поднимаемыя непризнанными прозелитами воли о мнимой враждебности поляковъ къ русскимъ не выдерживаютъ самой слабой критики и опровергаются фактами. Мы допускаемъ, что бывали случаи злоупотребленій со стороны нѣкоторыхъ частныхъ или правительственныхъ лицъ, вполнѣ возможные при слабости полицейской и исполнительной власти, но никто намъ не укажетъ въ кодексахъ нашего прошлаго ни одного постановленія, направленнаго противъ свободы совѣсти, попирающаго самую дорогую собственность человѣка: его религіозныя и политическія убѣжденія“ (курсивъ въ подлинникѣ).

Признаемся, что передъ послѣднимъ утвержденіемъ автора мы рѣшительно стали въ тупикъ и недоумѣвали, какъ его понимать: какъ плодъ собственнаго историческаго невѣжества корреспондента, или же какъ умышленное искаженіе имъ истины, разсчитанное на такое же невѣжество своихъ читателей? Послѣднее предположеніе намъ показалось болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ намъ нерѣдко приходилось убѣждаться въ своеобразности историческихъ познаній даже въ средѣ такъ называемаго образованнаго польскаго общества, для котораго самыми непререкаемыми историческими авторитетами служатъ галицко-польскія газеты, брошюры и подпольныя листки, выходящія въ свѣтъ особенно обильно въ эпохи періодически повторяющихся возстаній, да нѣсколько баснописцевъ, слывущихъ у нихъ за историковъ. Только по этой причинѣ мы и взяли на себя трудъ возражать анонимному автору корреспонденціи, до личныхъ историческихъ познаній котораго, равно и его литературной добросовѣстности намъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. Излагая историческія факты безпристрастно, мы тѣмъ самымъ надѣемся оказать большую услугу возстановленію „братскаго покоя“, нежели это удаеся автору корреспонденціи, бросающему въ лицо русскои прессы упреки въ умышленномъ распространеніи „инсинуацій“. Для болшей убѣдительности мы будемъ ссылаться исключительно только на польскіе источники.

Вотъ что говоритъ намъ безпристрастная исторія.

Первымъ¹⁾ актомъ Владислава-Ягайлы по принятіи имъ польской короны было изданіе въ 1413 году на Городельскомъ сеймѣ постановленія, въ силу котораго литовское дворянство, привившее польскіе гербы, уравнивалось въ правахъ и вольностяхъ съ дворянствомъ польскимъ, съ тѣмъ, однако, взятымъ, что правами этими не могли пользоваться *схизматики и другіе несправедливые* (schismatici vel alii infideles). Стало бытъ, отъ самаго перваго акта „братскаго единенія“ Литвы съ Польшею начинается и религіозная

¹⁾ Это не первый актъ вѣротерпимости поляковъ къ православію. Крашевскій, извѣстный польскій романистъ, въ своемъ Wilno приводитъ болѣе ранній документъ отъ имени короля, составленный на латинскомъ языкѣ. Въ немъ король угрожаетъ своимъ вѣроподданымъ литовскаго княжества, что онъ привлечетъ ихъ къ повиновенію папѣ даже тѣлесными наказаніями (trahere imo roenis eorotalibus). Этотъ актъ мы воспроизведемъ особо въ слѣдующій разъ. Ред.

нетерпимость. Въ пользу католиковъ великій князь отказывается отъ своего феодальнаго права на территориальную собственность и признаетъ ихъ имѣнія ихъ потомственнымъ владѣніемъ; онъ разрѣшаетъ имъ выдавать замужъ своихъ дочерей и сестеръ по своему усмотрѣнію, но только за лицъ католическаго вѣроисповѣданія; даде, князь обѣщаетъ, что все должности воеводъ, каштеляновъ и т. д. онъ будетъ раздавать въ великомъ княжествѣ литовскомъ исключительно только лицамъ католическаго исповѣданія (Volumina legum т. 1 стр. 29—31). Послѣ столь блистательнаго начала проявленія католической толерантности начинается длинный, почти полуторавѣковой періодъ затишья (съ 1413 по 1648 годъ), въ продолженіе котораго не было издано ни одного сколько нибудь существеннаго постановленія, направленнаго противъ иновѣрцевъ. Но этого отнюдь не слѣдуетъ объяснять польскою толерантносью. Причина та, что во все время существованія Ягеллонской династіи Литва не утрачивала надежды на политическую самостоятельность и сепаративныя стремленія не переставали въ ней обнаруживаться, а потому Польша, въ интересахъ политической уніи, вынуждена была не только мириться съ православіемъ, составлявшимъ преобладающій элементъ въ Литвѣ, но нерѣдко и заискивать передъ нимъ. Мѣропріятія Ягайлы, направленныя во вредъ православію, вызвали крайнюю непопулярность его въ Литовской Руси и послужили точкою опоры для его талантливаго соперника, в. к. Витовта, который, хорошо понимая автономныя инстинкты Литвы и Руси и опасенія ихъ, вызванныя фанатическими стремленіями короля-прозелита, успѣлъ стать во главѣ литовскаго государства и принять мѣры для того, чтобы надолго гарантировать его отъ польскаго вліянія. Самыми важными изъ этихъ мѣръ были гарантіи, данныя Витовтомъ православнои іерархіи и свободѣ православнои церкви въ великомъ княжествѣ литовскомъ. Въ 1415 году Витовтъ созвалъ въ Новогрудкѣ (Минской губ.) соборъ православноа литовскаго духовенства, на которомъ была обезпечена независимость православнои церкви и самоуправленіе ея подъ властью киевскаго митрополита и подъ верховнымъ главенствомъ константинопольскаго патріарха. Свобода, неприкосновенность и независимость православнои церкви гарантированы были грамотою Витовта, подтвердившаго все постановленія новогрудскаго собора (Kulczyński — Specimen ecclesiae Ruthenicae, Romae 1733 г.). Казиміръ Ягайловичъ, желая списать расположеніе русскаго элемента въ Литвѣ, между прочими уступками въ его пользу, уничтожилъ въ 1447 году ограниченія правъ православныхъ жителей великаго княжества литовскаго, вытекавшія изъ Городельскаго постановленія (1413 г.) Ягайла. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что эти постановленія никогда не имѣли силы на практикѣ, такъ какъ въ это время въ Литвѣ не только народъ, но и почти все дворянство было православное и въ томъ числѣ такіе могущественные дворянскіе роды, какъ князья Олельковичи, Слуцкіе, Острожскіе, Огинскіе, Чарторійскіе, Вишневецкіе, Тышкевичи, Хребтовичи и другіе. Поляки въ то время разсматривались въ Литвѣ, какъ иностранцы, присутствіе которыхъ весьма неохотно терпѣлось, католицизмъ же, особенно въ восточныхъ частяхъ княжества, едва только начиналъ проникать, тогда какъ православіе утвердилось здѣсь прочно еще со временъ Владиміра святого. Витовтъ основалъ въ Новогрудкѣ первый католическій костелъ и плебанію „для перваго насажденія римско-католической вѣры“, pro prima planta orthodoxae Religionis (Арх. Николай, 18). Для иллюстраціи положенія католицизма въ Литвѣ въ XV столѣтіи можетъ служить тотъ фактъ, что Иванъ Сапѣга, принявшій въ бытность свою въ Римѣ латинство, боялся возвратиться на родину, опасаясь прежнихъ своихъ единовѣрцевъ (православныхъ) и искалъ покровительства себѣ у короля польскаго Альбрехта, при ходатайствѣ объ немъ папы Иннокентія VIII (Арх. Николай, 23). Отсюда мы видимъ, что въ XV вѣкѣ положеніе католицизма и полонизма въ Литвѣ было далеко не таково, чтобы можно было думать о подавленіи православія и русскои народности; нужно было первоначально обезпечить право на собственное существованіе. Въ XVI вѣкѣ этого удалось достигнуть въ значительной степени, но въ это время, положеніе католицизма въ самой Польшѣ подвергалось сильной опасности, такъ какъ реформація дѣлала весьма быстрые усѣхи среди польской

и литовской шляхты и мѣщанства и даже въ средѣ высшего католическаго клира существовала сильная партія, желавшая реформы церкви на національных началахъ и ослабленія ея зависимости отъ Рима (Жуковичъ, Кардиналъ Гозій и польская церковь его времени). Поляки одни изъ послѣднихъ признали постановленія Тридентскаго собора. Невозможно было въ это время думать объ изданіи законовъ, направленныхъ противъ диссидентовъ, когда бывали случаи, что въ многочисленномъ составѣ польскаго сената заседали только два члена-католика: епископы виленьскій и жмудскій, всѣ же остальные члены были диссиденты, а на Петроковскомъ синодѣ 1557 года одинъ изъ епископовъ внесъ предложеніе дозволить на ближайшемъ сеймѣ причащеніе мірянъ подъ обоими видами, „чтобы удовлетворить общимъ желаніямъ.“

Отсюда видимъ, что полонизмъ и латинство не могли угнетать православія и русской народности въ Литвѣ въ XV и первой половинѣ XVI вѣка, потому что сами были бессильны и должны были заботиться объ утвержденіи собственнаго шаткаго положенія, а не потому, что „предкамъ нашимъ и не силосо даже о полонизаціи кого бы то ни было, такъ какъ всѣ духовныя стремленія ихъ поглощены были мыслью о единствѣ, „уніи передъ Богомъ“, какъ угодно это утверждать автору корреспонденціи изъ минской губерніи.

Со второй половины XVI вѣка, положеніе дѣлъ существенно измѣнилось. Въ 1569 г. въ исторіи Литовской Руси произошли два событія огромной важности: послѣдовало политическое сліяніе ея съ Польшею: и въ этомъ же году поселились въ Вильнѣ іезуиты, такимъ образомъ, этотъ годъ былъ концомъ политической самостоятельности Литвы и началомъ ея духовнаго рабства. Іезуиты со своею ственною имъ ловкостью и беззащитностью аринялись за дѣло, забрали въ свои руки воспитаніе юношества, переполнили своими питомцами и членами католическаго клира, фанатизировали народъ, проникли ко двору; и въ довершеніе всего возвели на польскій престолъ своего питомца и ученика (Сигизмундъ III). Съ этого времени начинается ожесточенная борьба между католичествомъ и православіемъ, но первоначально она была негласная, скрытная. Она выражалась со стороны польскаго правительства рядомъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію православія, къ поощренію безнаказанности наглыхъ обидъ, наносимыхъ ревнителямъ православія и къ поддержанію ревностной іезуитской пропаганды въ школахъ, проповѣдяхъ, въ частныхъ сношеніяхъ. Короли надбѣляютъ чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами и всякими бенефіціями исключительно католиковъ и особенно лицъ, переходящихъ изъ православія въ католицизмъ и, не смотря на всевозможную преданность и заслуги, обходятъ людей православныхъ, остоявшихъ вѣрными своей церкви. Православные дворянскіе роды большею частію бдѣютъ или не выдерживаютъ и поддаются заманчивой іезуитской пропагандѣ, подкрѣпляемой надеждами на мірскія блага.

Побѣда дала, однако, іезуитамъ не скоро и не легко, не смотря на всю ихъ ловкость и на самую сильную поддержку, оказываемую имъ польскими королями. Чтобы дать понятіе о громадной трудности предстоявшей іезуитамъ задачи латинизаціи Литвы, приведемъ краткій списокъ, далеко конечно не полный, почерпнутый изъ первыхъ имѣвшихся подъ руками источниковъ, фамилій дворянскихъ родовъ, еще сохранявшихъ въ XVI вѣкѣ православіе. Можетъ быть, не одиакъ изъ теперешнихъ „настоящихъ поляковъ“ узнаетъ въ числѣ этихъ фамилій своихъ предковъ и станетъ снисходительнѣе относиться къ тѣмъ твердымъ духомъ людямъ, которые сумѣли сохранить вѣру отцовъ среди самыхъ жестокихъ гоненій и соблазновъ.

Вотъ этотъ списокъ: Абрамовичи, Будные, Быковскіе, Барсуковичи, Боговитины, Богусевичи, Бокшичи, Буговици, Бунцевичи, Бокѣи, Ваньковичи, Володковичи, Васильевскіе, Войничы, Вербиловичи, Вериги, Вороничи, Волловичи, Верещакы, Войны, Вишневецкіе, Вороновичи, Гурки, Гладкіе, Горайны, Гравза-Снавскіе, Горваты, Городецкіе, Гумницкіе, Гарабурды, Гулевичи, Головицкіе, Горскіе, Глѣбовичи, Горнастаи, Домбрыневскіе, Давыдовичи, Долматы, Дорошницкіе, Древоѣды, Дубенецкіе, Дубровицкіе, Данишевскіе, Дорошеевичи, Дзѣкановичи, Друцкіе,

Дольскіе, Дорогостайскіе, Есьманы, Еремичи, Евлашкевичи, Жицкіе, Ждановичи, Жижемскіе, Заруцкіе, Зарневскіе, Заволаи, Зарайскіе, Заранки, Збаражскіе, Заславскіе, Зеновичи, Заборовскіе, Иллчи, Ивовичи, Косовы, Крупки, Коханы, Кустинскіе, Кирики, Кишки, Костровицкіе, Ковачинскіе, Крышковскіе, Кердѣи, Капцевичи, Кочановскіе, Крешинскіе, Кошки, Котовичи, Киріановичи, Коренкевичи, Короткевичи, Корсаки, Корзоны, Казановскіе, Калиновскіе, Каширскіе, Левковичи, Лапѣцкіе, Лукомскіе, Любецкіе, Ловашевичи, Лыцевичи, Львовичи, Лесивичи, Мѣруты, Мацкевичи, Мышковскіе, Мелешки, Массальскіе, Незабытовскіе, Немировичи, Наборовскіе, Островскіе, Огинскіе, Обуховичи, Онхимовичи, Покоржинскіе, Прибытки, Пашковскіе, Пацы, Прилуцкіе, Палецкіе, Петрашкевичи, Польховскіе, Пожарицкіе, Полубинскіе, Прозоры, Полневскіе, Пронскіе, Поцци, Павловичи, Пузыны, Прушановскіе, Петровичи, Рагозы, Радзивиллы, Ратомскіе, Рипацкіе, Ружинскіе, Русиневичи, Рутскіе, Сангушки, Служки, Силичи, Скорины, Стеткевичи, Сапѣги, Солтаны, Соколинскіе, Сороко, Скачквичи, Сальмоновичи, Сабовичи, Сулятыцкіе, Станкевичи, Степкевичи, Селявы, Стаховскіе, Столповицкіе, Сѣмашки, Сосновскіе, Скумины, Тышкевичи, Трязыны, Троски, Тишевичи, Топоровичи, Теховскіе, Узловскіе, Унѣховскіе, Укольскіе, Ходкевичи, Хребовичи, Ходычинскіе, Халецкіе, Хозуты, Цѣшейки, Челневскіе, Четвертинскіе, Чобаковичи, Шишки, Шумлянскіе, Шимковичи, Шемешы, Щирскіе, Юдицкіе, Яцкевичи, Ярмолицкіе, Янишевскіе.

Этотъ краткій списокъ дворянскихъ православныхъ фамилій, въ числѣ которыхъ есть много знатныхъ и могущественныхъ княжескихъ родовъ, даетъ понятіе о трудности предстоявшей іезуитамъ задачи—латинизаціи православнаго населенія Литвы. Задача эта оказалась непосильною даже для всемогущихъ іезуитовъ и для облегченія ея потребовалась искусственная переходная мѣра, церковная унія 1596 г. Для подготовленія этой паллиативной мѣры потребовалась почти тридцатилѣтняя іезуитская пропаганда, опиравшаяся на цѣлый арсеналъ административныхъ репрессалій православія. Съ введеніемъ уніи дѣло латинизаціи края пошло гораздо легче, не все еще долго приходилось ограничиваться разными замаскированными средствами вышеуказаннаго характера. Только съ половины XVII вѣка полонизмъ выступаетъ открытымъ врагомъ православія и выдвигаетъ противъ него цѣлый рядъ законодательныхъ постановленій.

Въ 1648 г. Янъ Казиміръ при вступленіи на престолъ далъ присягу не предоставлять ни одного мѣста въ сенатѣ, ни одной должности, ни одного староства не католику (Mogaczewski. Staroż. Polskie, I, 193). Ту же присягу повторилъ Михаилъ Вишневецкій (1668 г.) и Янъ Собѣскій (1675 г.). По сеймовому постановленію 1667 г. уніатское духовенство освобождалось, отъ постога и другихъ военныхъ повинностей (Volumina legum т. IV, стр. 474, § 58), которыя вслѣдствіе этого всею своею тяжестью легли на одно православное духовенство. На томъ же сеймѣ 1667 года постановленъ былъ законъ, на основаніи котораго православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества (sub poena colli et confiscationis bonorum) воспрещалось, подъ какимъ бы то ни было видомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда и пограничнымъ старостамъ строго предписывалось слѣдить за исполненіемъ этого закона (Vol. leg. т. V, стр. 180, § 39). Законъ этотъ былъ подтвержденъ на сеймахъ 1678 и 1699 годовъ (ib. V, 306, § 24). Мѣра эта стремилась къ тому, чтобы православные не могли получать поддержки извнѣ и чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ епископовъ уніатскихъ, такъ какъ православныхъ епископовъ въ предѣлахъ Польши тогда не было, а общеніе съ пастырями, живущими въ Россіи и Молдавіи, этимъ закономъ пресѣкалось. По закону 1699 г. только уніаты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей, православные же признавались неспособными къ отправленію ихъ. Православнымъ запрещено было также жить въ Каменцѣ, вслѣдствіе чего православныя церкви были опечатаны и духовенство изгнано изъ города (Vol. leg. VI, 35, § 19 и 21). На сеймѣ 1712 г. изданъ былъ законъ, по которому канцлеру запрещалось прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только ак-

ты эти прямо или косвенно, вообще или в частности, содержали что либо выгодное для лиц не католическаго исповѣданія (Moraczewski, Staroż. P. I, 193). Такимъ образомъ, не католики лишались покровительства закона и предоставлялись на произволъ буйства необузданной католической шляхты.

Въ 1732 г. конфедерациею изданы были слѣдующія постановленія, получившія силу закона: Церковь католическая не должна терпѣть рядомъ съ собою никакимъ образомъ другихъ вѣроисповѣданій, иновѣрцы т. е. православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ спеціальныя комисси, составленныя по какимъ бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно ходить по улицѣ со святыми дарами; крещеніе, бракъ, похороны они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшенія католическаго епископа, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при католическихъ крестныхъ ходахъ, а въ селахъ не должны имѣть колоколовъ при церквяхъ. Дѣти, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ должны причисляться къ католической церкви и даже православные пасынки отчима католика должны принимать католичество. Каноническіе законы католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ. (Moraczewski, Staroż. P. I, 195). Хотя постановленія эти и не вошли въ *Volumina legum*, но что они имѣли обязательную силу, видно, между прочимъ, изъ того, что большая часть ихъ отмѣняется въ силу трактата съ Россіею 1768 года. По сеймовому закону 1747 г. православный священникъ не могъ занять прихода, не получивъ предварительно согласія отъ шляхтича, которому принадлежитъ село, или отъ старосты или державцы въ королевскихъ имѣніяхъ (Vol. leg. т. IV, стр. 59, § 54). На сеймѣ 1764 года постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католицизма въ другое вѣроисповѣданіе и определено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15-тилѣтняго возраста не изберутъ себя рода жизни (Vol. leg. VII, стр. 8 и 40). Въ 1766 г. краковскій епископъ Солтыкъ предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждаго, кто осмѣлится произнести на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона (Moraczewski, Staroż. Polskie, I, 196). Только рѣшительныя угрозы русскаго посланника при варшавскомъ дворѣ и страхъ предъ русскими войсками заставили одуматься сеймъ и хотя отчасти облегчить участь православныхъ въ Польшѣ (трактатъ съ Россіею 1768 г.) Но облегченіе это было непродолжительно и по трактату 1775 г. восстановлена была большая часть стѣснительныхъ для православія мѣръ и при такомъ положеніи законодательства православные подданные Польши дожили до ея паденія. Отсюда мы видимъ, что авторъ корреспонденціи изъ Минска не имѣлъ ни малѣйшаго права утверждать, что никто не уважаетъ намъ въ дѣтописяхъ польскаго законодательства ни одного постановленія, направленаго къ стѣсненію свободы совѣсти иновѣрцевъ.

Но главные аргументы автора корреспонденціи въ защиту польской толерантности основаны не на этихъ головныхъ утвержденіяхъ, а на фактахъ, очерпнутыхъ имъ изъ сочиненія бывшаго ректора минской духовной семинаріи, архимандрита Николая: „Историко-статистическое описаніе минской епархіи“. Воспользуемся заявленіемъ автора корреспонденціи въ томъ, что вышеприведенное сочиненіе архимандрита Николая „отличается полнѣйшимъ безпристрастіемъ и что сообщаемыя въ немъ факты не подлежатъ ни малѣйшимъ оговоркамъ или сомнѣнію“, и вслѣдствіе этого и мы будемъ принимать за непререкаемую истину все то, что сказано въ этомъ сочиненіи.

На основаніи этого сочиненія автору корреспонденціи угодно утверждать, что польскіе короли, латинское духовенство и міряне принимали постоянное участіе въ постройкѣ православныхъ церквей и причтовыхъ зданій и дѣлали многочисленныя записи и пожертвованія въ пользу этихъ церквей, что „ясно служитъ доказательствомъ отсутствія всякой охоты латинизировать православіе“. Изъ сочиненія архимандрита Николая авторъ почерпываетъ 361

случай постройки католиками не только униатскихъ, но и православныхъ церквей въ предѣлахъ одной только нынѣшней минской губерніи и прибавляетъ при этомъ, что число 361 далеко не исчерпываетъ всѣхъ построенныхъ и одаренныхъ католиками церквей, коль скоро и самъ историкъ епархіи не знаетъ происхожденія значительнаго числа записей и неудивительно, такъ какъ въ краѣ, бывшемъ свидѣтелемъ столькихъ потрясеній, легко утрачивались слѣды воспоминаній и всякіе письменные документы⁴. Если бы автору корреспонденціи дѣйствительно удалось насчитать 361 случай постройки католиками православныхъ церквей въ предѣлахъ нынѣшней Минской губерніи въ теченіе четырехъ слишкомъ вѣковъ, то это, конечно, служило бы наилучшимъ свидѣтельствомъ въ пользу польской толерантности, но въ дѣйствительности онъ не можетъ этого доказать, хотя и цитируетъ страницы сочиненія архимандрита Николая, въ которомъ будто бы упоминается о подобныхъ случаяхъ. Перечисляя теперешнія православныя церкви минской епархіи, архимандритъ Николай относительно каждой изъ нихъ дѣлаетъ подобнаго рода замѣчанія: построена помѣщикомъ такимъ то, въ такомъ то году, или построена помѣщикомъ такимъ то, неизвѣстно когда; но нигдѣ не упоминаетъ, что строителемъ былъ помѣщикъ католикъ. Автору корреспонденціи угодно утверждать, что коль скоро въ настоящее время фамилія строителя католическая, а построенная церковь въ настоящее время православная, то отсюда слѣдуетъ, что католики построили православную церковь. Чтобы подобное заключеніе было фактически справедливо, слѣдовало бы доказать, что строитель-помѣщикъ во время постройки церкви былъ католикомъ и что построенная имъ церковь была православная. Несомнѣнно, что въ минской губерніи почти все дворянство было православное, перешедшее въ католицизмъ не ранѣе второй половины XVII и въ XVIII столѣтія, доказательствомъ чему можетъ служить вышеприведенный списокъ дворянскихъ фамилій минской губерніи, бывшихъ православными въ XVI и въ XVII вѣкѣ, католики же поляки были рѣдкіе гости, иностранцы. Въ подтвержденіе этого мы ссылаемся на безпристрастное, но признанію самого автора корреспонденціи, сочиненіе, архимандрита Николая, въ которомъ приведенъ такой фактъ: „дворяне и прочіе обыватели воеводства минскаго и другихъ земель литовскихъ, узнавъ объ уни, собрались 1611 года въ минскомъ замкѣ и составили актъ, въ которомъ свидѣлствуютъ, что они съ древнихъ временъ въ предѣлахъ своихъ приняли св. вѣру, крещеніе, пастырей духовныхъ и всѣ постановленія церковныя отъ константинопольскаго патріарха и что князья русскіе, литовскіе и короли польскіе своими грамотами утвердили свободу и всѣ права ихъ вѣроисповѣданія, и потому объявляютъ, что они не согласны на унию, принятую нѣкоторыми духовными лицами, и желаютъ навсегда по прежнему, оставаться въ послушаніи константинопольскому патріарху? Актъ этотъ подписанъ 52 лицами (въ томъ числѣ Огинскій, Тышкевичъ), изъ числа фамилій которыхъ въ настоящее время нѣтъ ни одной православной. Въ примѣчаніи къ этому акту архимандритъ Николай говоритъ: „въ числѣ этихъ подписей мы не встрѣчаемъ другихъ фамилій, вѣроятно потому, что одни изъ нихъ принадлежали уже къ дисидентской конфедерации, другіе заражены были реформатскими идеями, а иные приняли римско-католическое вѣроисповѣданіе.“

Не словомъ только протестовало православное дворянство Минской губерніи противъ уни, но и дѣломъ. Когда по волѣ короля Сигизмунда III всѣ православныя монастыри должны были перейти въ руки униатовъ, дворяне воздвигли на свои частныя средства въ первой половинѣ XVII вѣка въ предѣлахъ нынѣшней Минской губерніи 12 новыхъ монастырей и въ своихъ фундаментальныхъ записяхъ закинали настоятелей и братію, а также своихъ потомковъ и преемниковъ пребывать непоколебимо вѣрными православію и въ послушаніи константинопольскому патріарху. Стало быть, не мало еще было въ это время православныхъ дворян въ минской епархіи, велико было ихъ усердіе и ревность къ православію, если они могли совершить такой подвигъ!

И такъ, принимая за доказанный фактъ, что дворянство Минской губерніи было почти сплошь православное и русское до XVII вѣка, мы удивляемся намѣренію автора кор-

респонденціи отнести всё случаи постройки этимъ дворянствомъ церквей на счетъ польско-латинской толерантности. Авторъ корреспонденціи легко могъ избѣгнуть подобнаго заблужденія, если бы онъ обратилъ вниманіе на все сочиненіе архимандрита Николая, а не на излюбленныя только страницы. Перечисливъ фамили строителей и благотворителей православныхъ церквей (стр. 168 и 169), о которыхъ упоминается въ подробномъ описаніи церквей минской епархіи, архимандритъ Николай вслѣдъ за симъ прибавляетъ: „Бѣдность церковныхъ архивовъ, происходящая не столько отъ необразованности бывшаго приходскаго духовенства, сколько отъ злонамѣренности и корыстолюбія враговъ православія, не позволяетъ передать памяти потомства всѣхъ именъ, не говоримъ дѣйствій, бывшихъ строителей и благотворителей церквей. Визиты или официальные донесенія духовныхъ лицъ, обозрѣвавшихъ приходскія церкви, остаются печальнымъ памятникомъ того, какъ потомки и преемники бывшихъ ревнителей православія съ принятіемъ римско-католическаго вѣроисповѣданія измѣнились въ грабителей, расхищавшихъ святотатственную рукою не только матеріальное достояніе церковное, но и письменные памятники православія. По этой причинѣ невозможно доискаться начала церквей и ихъ приходовъ, что, впрочемъ, ведетъ и къ тому заключенію, что основаніе приходскихъ церквей минской епархіи скрывается въ глубокій древности“.

Доказавъ, съ одной стороны, что православныя церкви строились не католиками, мы можемъ безъ труда доказать и другое положеніе, что католики строили не православныя церкви. Это очевидно изъ того обстоятельства, что почти всѣ случаи постройки завѣдомыми католиками церквей относятся ко времени униі, т. е. къ періоду времени съ 1596 по 1839 годъ. Что построенныя или одаренныя церкви были униатскія, а не православныя, видно изъ того, что чѣмъ болѣе участіе принимали католики въ постройкѣ церквей, тѣмъ быстрѣе количество православныхъ церквей уменьшалось, такъ что къ 1795 г., т. е. ко времени учрежденія минской епархіи, въ составъ ея вошло всего только 89 православныхъ церквей, всѣ же остальные были униатскія. Въ этомъ убыточномъ для православія строительствѣ весьма дѣятельное участіе принимало католическое духовенство, не исключая и иезуитовъ. — Не рѣшится же авторъ корреспонденціи утверждать, что иезуиты строили православныя церкви. При этомъ достойно вниманія, что строительство послѣдняго рода сразу прекратилось съ присоединеніемъ нынѣшней минской губерніи къ Россіи. Подобенъ фактъ объясняется тѣмъ, что постройка униатскихъ церквей служила для католическаго духовенства средствомъ пропаганды для совращенія православныхъ въ унию, а такъ какъ пропаганда эта при русскомъ правительствѣ становилась невозможною, то и постройка униатскихъ церквей прекратилась. Въ пользу латинско-польской толерантности могли бы свидѣтельствовать тѣ сорокъ случаевъ постройки католиками православныхъ церквей, которые имѣли мѣсто послѣ прекращенія униі въ 1839 году. Но изъ этихъ 40 случаевъ ровно половина приходится на первые 3 года послѣ прекращенія униі, стало быть могутъ быть разсматриваемы только какъ окончаніе прежде начатыхъ построекъ или какъ исполненіе раньше принятыхъ на себя контрактовъ и обязательствъ. Но въ концѣ концовъ всѣтаки остаются безспорными 20 случаевъ постройки католиками-помѣщиками православныхъ церквей въ періодъ времени съ 1843 по 1861 годъ, которые краснорѣчиво свидѣтельствуютъ въ пользу польской толерантности. Хотя число 20 далеко не то, что 361, тѣмъ не менѣе, мы приняли бы и эту скромную цифру за неопровержимое доказательство толерантности къ православію, если бы не знали, что во время крѣпостнаго права весь трудъ брестянина принадлежалъ помѣщику, хозяйственная выгода котораго прямо требовала принять на себя постройку церкви, чтобы тѣмъ самымъ сохранить для себя весь крестьянскій трудъ¹⁾.

Оспаривая бездоказательное мнѣніе автора корреспонденціи, что на прострaнствѣ Минской губерніи можно насчитать 361 случай постройки католиками православныхъ или униатскихъ церквей, мы не имѣемъ въ виду утверждать, что такихъ случаевъ вовсе не было; мы хотимъ только сказать, что эти случаи были крайне рѣдки, исключительны и служатъ какъ бы только для того, чтобы ярче отбѣнить картину польской нетолерантности по отношенію къ православію, проявляющейся въ цѣломъ рядѣ положительныхъ фактовъ, составляющихъ не исключеніе, но общее правило. Сочиненіе архимандрита Николая, на которое автору корреспонденціи угодно сослаться въ защиту польской толерантности, служить самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ совершенно противнаго и насъ крайне удивляетъ опрометчивость автора въ выборѣ столь неудачнаго средства защиты. Сочиненіе это, отъ первой страницы до послѣдней, представляетъ одинъ непрерывный мартирологъ православія въ борьбѣ съ латинствомъ и полонизмомъ. Въ нашу задачу не входитъ желаніе подтвердить наши слова выписками изъ этого сочиненія, тѣмъ болѣе, что желающіе легко могутъ провѣрить наши слова изъ самаго источника и убѣдиться, на сколько велика литературная беззащитность автора корреспонденціи. Не можемъ, однако, обойти молчаніемъ еще одно мѣсто корреспонденціи, гдѣ авторъ ея говоритъ, что если поляки и стремились къ достиженію единства, „униі“ передъ Богомъ съ православными, то употребляемая для этой цѣли средства были благороднѣе и мягче, нежели гдѣ либо и когда либо. Кто знакомъ съ способомъ выраженія польской прессы, для того ясно, что эта фраза означаетъ бросаніе камешковъ въ чужой огорождъ. Поэтому мы находимъ необходимымъ представить нѣсколько образчиковъ этого благородства и мягкости. Факты эти мы нарочно возьмемъ изъ исторіи мозырскаго уѣзда, минской губерніи, гдѣ по увѣренію автора корреспонденціи, униі менѣе всего была распространена и гдѣ, слѣдовательно, католицизмъ наиблестательнѣйшимъ образомъ проявилъ свое благородство. Тѣмъ не менѣе и въ этомъ благодарномъ уголкѣ мы находимъ слѣдующіе факты.

Въ селѣ Скородномъ помѣщикъ Прушинскій долго преслѣдовалъ приходскаго священника своего села Юсифа Загоровскаго, — заставляя его служить въ Церкви по униатскому ритуалу; встрѣчая упорное сопротивленіе съ его стороны, онъ нѣсколько разъ страшно его истязалъ передъ церковью и, наконецъ, прогналъ изъ села, ограбивъ все имущество. Изгнанный священникъ нашелъ пріютъ въ соседнемъ селѣ Медвиднѣ у православнаго дворянина Федора Павши; но обстоятельство это еще болѣе раздражило Прушинскаго, враждовавшаго съ Павшею; онъ приказалъ своей дворнѣ поймать священника на дорогѣ и привести въ свой дворъ; здѣсь онъ его посадилъ въ тюрьму, приказавъ надѣть ему на шею „гусакъ“ (толстое бревно, сложенное изъ двухъ половинокъ, съ вырѣзкою для шеи). Узнавъ о случившемся, сынъ священника успѣлъ пробраться въ тюрьму, и нѣсколько облегчилъ снарядъ, въ которомъ отецъ задохался; тогда Прушинскій схватилъ сына и избилъ его до такой степени, что его замертво унесли домой, отцу же, сверхъ „гусака“ приказалъ надѣть кандалы и въ такомъ состояніи морилъ его голодомъ и холодомъ двѣ недѣли, пока не принудилъ принести въ церкви присягу въ томъ, что священникъ не удалится болѣе изъ села и во всемъ подчинится требованіямъ помѣщика (Арх. юго-зап. Р. №№ CVII, стр. 232; CXI, стр. 243 и CLXXII, стр. 381), и

щика, даже фанатика католика, заботиться о постройкѣ православной церкви, если на значительномъ прострaнствѣ въ числѣ жителей мѣстности нѣтъ ни одного или почти ни одного католика, а православные не имѣютъ церкви. *Авт.*

Прибавимъ отъ себя, что помѣщики р.-католики и до настоящаго времени, какъ владѣльцы бывшихъ православныхъ крѣпостныхъ, привлекаются правительствомъ къ постройкѣ причтовыхъ строеній, которыхъ они не исполнили, на основаніи правительственнаго распоряженія 1845 г. По принятому корреспондентомъ Schwili научному приему, будущіе корреспонденты варшавскихъ польскихъ газетъ, на основаніи указаннаго факта, что р.-католики строили дома православнымъ священникамъ, будутъ доказывать толерантность современныхъ намъ р. католиковъ—пановъ!
Ред.

¹⁾ Существованіе церкви, хотя бы Православной, приноситъ всякому владѣльцу имѣнія, гдѣ она находится, весьма значительныя выгоды, привлекая въ усадьбу помѣщика массу народа. Простой экономической расчетъ можетъ заставить помѣ-

такимъ образомъ „унія“ передъ Богомъ была достигнута.

А вотъ другая картина, характеризующая процессъ достиженія этой уніи во всѣхъ деталяхъ:

Въ Петриковской волости (Мозырскаго уѣзда) католическій священникъ Оома Еленскій принялся водворять унію. По его настоянію, управляющій имѣніемъ, папъ Гребницкій, потребовалъ отъ всѣхъ православныхъ священниковъ предъявленія документовъ, на основаніи которыхъ они занимали приходы; когда священники предъявили свои составленныя грамоты, то Гребницкій объявилъ ихъ недѣйствительными, сказалъ, что не признаетъ православной іерархіи, и объявилъ, что впредь священники будутъ зависѣть въ церковныхъ дѣлахъ исключительно отъ суда экономіи. На слѣдующій же день онъ потребовалъ въ присутствіе этого суда, составленнаго изъ него самого и ксендза Еленскаго, шестидесятилѣтняго старика, священника села Лясковичъ, о. Прохора Забытневича; обвинивъ послѣдняго въ обращеніи въ православіе 20 человекъ уніатовъ, онъ тутъ же приговорилъ священника къ слѣдующему наказанію: священникъ долженъ былъ отчислится отъ своего прихода 20 человекъ въ унію (это и были первые уніаты въ этой мѣстности); притомъ священнику въ теченіе года запрещалось исполнять требы и входить въ церковь! сверхъ того, онъ долженъ былъ 6 недѣль сидѣть въ экономической тюрьмѣ, вмѣстѣ съ заключенными въ ней за разные преступленія евреями, и въ теченіе этого времени его трижды тѣ день подъ страже выводили въ костель, гдѣ подвергали бичеванію „дисциплинами“. Приговоръ этого суда былъ немедленно приведенъ въ исполненіе. Когда на другой день явилась къ Гребницкому депутація, состоявшая изъ православныхъ священниковъ и почетныхъ мѣщанъ, просить помилованія о. Прохора, то управляющій, прогнавъ ее отъ порога съ ругательствами, приказалъ переловить ея членовъ, отвести въ костель и подвергнуть тамъ разнымъ унизибельнымъ наказаніямъ. Вслѣдъ затѣмъ Гребницкій распредѣлилъ жителей управляемаго имъ имѣнія на приходы, причемъ большее число церквей и сель отписалъ въ унію и пригласилъ въ нихъ на приходы уніатскихъ священниковъ; когда крестьяне отказались ходить къ новымъ пастырямъ, то послѣдовала всеобщая реквизиція: слуги и челядинцы изъ экономіи и костела ходили толпою по селамъ, били и истязали ослушниковъ безъ милосердія и, наконецъ, всѣхъ поголовно погнали въ Петриковскій замокъ, наставляя ихъ въ вѣрѣ веревками, палками и розгами; они вогнали несчастную толпу въ костель, гдѣ принуждали ихъ богохульствовать и плевать „на ихъ греческую вѣру“. Оставшимся еще въ имѣніи православнымъ священникамъ управляющій запретилъ принимать въ церковь крестьянъ изъ отчисленныхъ имъ въ унію сель или являться для исполненія требы въ эти села „подъ опасеніемъ потери здоровья и жизни“. Въ села эти наѣхали уніатскіе священники съ командами, данными изъ замка, они гнали насильно крестьянъ въ церкви и заставляли ихъ присягать на унію, въ случаѣ же отказа они тутъ же истязали ихъ собственноручно; одинъ изъ нихъ, Григорій Яроккій, понуждалъ прихожанъ къ присягѣ ударами толстой восковой свѣчи, которую онъ въ заачальности схватилъ изъ алтаря. Крестьяне, отказывавшіеся отъ принятія уніи, не смотря на все эти насилія, были лишены церковныхъ требы,—умирали безъ напутствія, оставались невѣщанными, хоронили мертвыхъ безъ церковныхъ обрядовъ и т. п. (Арх. юго-зап. Р. НССІ, стр. 464—471).

Подобными благородными средствами уніа передъ Богомъ была достигаема такъ удачно, что въ 1747 г. протопопъ мозырскій Федоръ Савицкій доносилъ слудскому архимандриту, что изъ 50 церквей осталось въ его вѣдомствѣ только 7, все же прочія отняты на унію (арх. Николай, стр. 37). Должно быть авторъ корреспонденціи не замѣтилъ этой страницы сочиненія архимандрита Николая, если рѣшается утверждать, что въ мозырскомъ уѣздѣ только нѣсколько церквей было уніатскихъ, все же остальные

православныя. Вообще, корреспонденція эта феноменальна въ своемъ родѣ въ томъ отношеніи, что въ нѣсколькихъ сотняхъ печатныхъ строчекъ не содержитъ ни одного слова правды и, такимъ образомъ, блистательно опровергаетъ афоризмъ: нѣтъ такой лжи, которая не заключала бы хотя частицу правды.

Вилен. Вѣстн.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

ЦЕРКОВНЫЯ СВѢЧИ

Изъ настоящаго воска, бѣлыя и позолоченныя, всѣхъ сортовъ, равно какъ вѣнчалныя въ украшенныхъ коробкахъ и удостоенныя разныхъ медалей на выставкахъ, выдѣлываю на моей фабрикѣ, существующей съ 1844 года и предлагаю по умѣреннымъ цѣнамъ. Укупорку и экспедицію на здѣшнихъ станціяхъ совершаю бесплатно. же можно получать самый лучший сортъ роснаго и обыкновеннаго ладона.

Иванъ Врублевскій.

Фабрика Свѣчей, Пряниковъ и Шоколада,

въ Варшавѣ, ул. Капитульная.

Содержаніе: Отдѣлъ I. Высшія Правительственныя распоряженія: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода касательно болѣзней и физическихъ недостатковъ, препятствующихъ принятію воспитанниковъ въ семинаріи. О брошюрѣ священника I. Наумовича, подъ названіемъ Братское слово православному христіанину о святости церковнаго обряда. Синодальныя книги.—Объявленія и извѣстія. Панихида за упокой Царя-Освободителя.—Благословеніе Св. Синода.—Пожертвованія въ пользу Волосковольской церкви и въ Ломжинскій соборъ.—Отчетъ Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія Холмско-Варшавской Епархіи за 1885 годъ.—Отдѣлъ II. Церкви въ селѣ Дворце.—Судьба русскихъ незаконно перешедшихъ въ латинство.—Превращеніе одного изъ дѣятелей польской sprawy въ Галиціи.—Вѣротерпимость въ старой Польшѣ, по отзыву Варшавской „Хвилы“ (минуты).—Объявленіе.

Редакторы: I-го Отдѣла Протоіерей I. Корженевскій
II-го Отдѣла Священникъ А. Демьяновичъ.

Печатать дозволяется.—Варшава, 28 февраля 1886 года.—Цензоръ, ключарь протоіерей Н. Чеховичъ.
Типографія Варшавскаго Учебнаго Округа, Королевская. № 11